

переспрашивает («Нет?»), потом утверждает, словно слыша ответ собеседника, что лирическому герою так же тяжело, как и ей самой.

Образ лирического героя – возлюбленного, с которым расстанется героиня, приобретает вполне определенные черты за счет использования имплицитно выраженных номинаций. Так, в «Попытке ревности» героиня называет своего возлюбленного государем: *Государыню с престола свергши (с оного сошед)*, воином (*поправший Синай*), Адамом (*познавший Лилит*), подчеркивая, что таким (государем, победителем, первым и единственным мужчиной на Земле) был он, пока герой и героиня были вместе.

Эксплицитным средством номинации является субстантивное обращение – *милый*. В «Поэме конца» находим: «Мысленно: **милый, милый**. – Час? – Седьмой. – В кинематограф, или... Взрыв: «Домой!». В стихотворении из цикла «Две песни» это обращение входит в состав рефрена: «**Мой милый, что тебе я сделала?**», в «Попытке ревности» – эта номинация появляется в финале стихотворения: «**Как живетя, милый...**»

Таким образом, наряду с типичными средствами обозначения лирического героя, среди которых:

– императив: – **Плачь**, с другими наверстаешь / **Стыд**, со мной потерянный («Поэма конца»);

– личные местоимения: ...*Так из дому рвутся, / Как ты* домой («Поэма конца»); *Как живетя Вам с простою / женщиною? Без божеств?* («Попытка ревности»),

– субстантивированные обращения: *Дружочек, не жалуясь...* («Поэма конца»), *С пошлой бессмертной пошлости / Как справляетесь, бедняк?* («Попытка ревности»);

– обращения-апеллятивы: *Как живетя вам с любою, / Избранному моему?* («Попытка ревности»),

в стихотворениях М.Цветаевой наблюдаются и специфические средства создания образа лирического героя. Это диалогизация в разных формах с использованием риторических вопросов, а также имплицитное обозначение собеседника (государь, Победитель, Адам в «Попытке ревности»). Драматургическое построение поэтического текста можно, по всей видимости, отнести к одному из основных стилеобразующих элементов поэтики автора.

Е.С. Скляр

Курский государственный университет

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «СТРАХ»
В ПОЭЗИИ А.А.ФЕТА И Ф.И.ТЮТЧЕВА

«Эмоции пронизывают жизнь человека, сопутствуют любой его деятельности, они – важнейшая сторона человеческого существования. Без эмоций немислим ни сам человек, ни его деятельность. Естественно, что богатство мира эмоций отражено прежде всего в языке и речи» [Бабенко 1989: 3].

В данной статье делается попытка описания оязыковленной базовой эмоции гнева на основе текстов А.А. Фета и Ф.И. Тютчева. Эмоция страха в поэзии А.А. Фета номинирована 26 лексемами в 105 словоупотреблениях, а в творчестве Ф.И. Тютчева – 17 лексемами в 50 словоупотреблениях (с/у).

Оба поэта используют ряды слов с корнем *-страх-*, однако в лексемном отношении данный класс разнообразнее у Ф.И. Тютчева, в поэзии которого нами выявлено 6 слов: *страх* (6 с/у), *страшит*, *страшиться* (2 с/у), *страшный* (13 с/у), *страшно* (5 с/у), *страшно-тяжело* (1 с/у), а у А.А. Фета – 4 лексеммы: *страх* (4 с/у), *страшиться* (1 с/у), *страшный* (14 с/у), *страшно* (2 с/у). Отметим, что общая частотность слов данной группы приблизительно одинакова.

Имя существительное *страх* «состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-л. опасностью, бедой и т.п., боязнь» [МАС: 4: 283] является малоупотребительным в поэзии авторов. Исследуемая эмоция может быть вызвана разными обстоятельствами: в стихотворениях А. Фета ее провоцирует коршун (*нагоняя на слабого страх, плавает коршун на темных кругах* [Фет 1982: 241]) и человек (*хватает меня страх напрасный, – так и кажется мне, что стоит при луне тот ужасный* [Фет 1982: 255]); у Ф. Тютчева – прошедшая гроза (*гроза приутихла, ветер затих, лишь маятник слышен часов стенных, – но оба, недвижны, молчали впотьмах, над ними лежал таинственный страх* [Тютчев 1980: 83]). У Фета показана боязнь перед бездной: *такая дрожащая бездна в дыханьи полудня и ночи, что ангелы в страхе закрыли крылами звездистые очи* [Фет 1982: 79]; а у Тютчева пропасть олицетворена и рождает страх перед ночью: *и бездна нам обнажена с своими страхами и мглами, и нет преград меж ей и нами – вот отчего нам ночь страшна!* [Тютчев 1980: 96]. Однако персонажи не боятся смерти: *я в жизни обмирал и чувство это знаю, где мукам всем конец и сладок томный хмель; вот почему я вас без страха ожидаю, ночь безрассветная и вечная постель!* [Фет 1982: 59]; *и ты, смиренна и послушна, все страхи смерти победив, навстречу ей шла благодушно* [Тютчев 1980: 219]. Отметим, что Фет использует два единичных имени прилагательных, характеризующих рассматриваемое слово, *напрасный* и *неверный*, а Тютчев употребляет только эпитет *таинственный*.

Наиболее частотной лексемой этого ряда оказалось прилагательное *страшный* «вызывающий, внушающий чувство страха» [МАС: 4: 284]. А.А. Фет употребляет это слово для создания природных картин: *ночь бу-*

дет страшная и буря будет злая, сольются в мрак и гул и небо и земля [Фет 1982: 225]; *под молнией багровой страшный вал* белоголовый с ревом прыгает на брег [Фет 1982: 157]. Встречаем мы также и размышления по поводу литературных возможностей: *я не Пиндар: мне страшной* всего торжественная ода [Фет 1982: 196]. Наряду со стихотворениями, в которых утверждается наличие страха, существуют и тексты, в которых эта эмоция отрицается: *путь не страшен* неизвестный, где столько гибнет радужных надежд [Фет 1982: 198]; *под сенью ласковых ресниц огонь* небесный мне *не страшен* [Фет 1982: 264]; *очей тех нет – и мне не страшны гробы* [Фет 1982: 54].

В лирике Ф.И. Тютчева лексема *страшный* тоже является высокочастотной, она включена в контексты, передающие переживания героя: *бывают роковые дни* лютейшего телесного недуга и *страшных нравственных тревог*; и жизнь над нами тяготеет и душит нас, как кошмар [Тютчев 1980: 222]. Страх в поэзии Тютчева вызван любовью: *они, о друг, бегут как приговора, твоей любви младенческого взора, он страшен им*, как память детских лет [Тютчев 1980: 48], а также видом мертвого человека: *усопших образ* тем *страшней*, чем в жизни был для нас милей [Тютчев 1980: 84]. Стремление к изменению жизненных установок сочетается с воспоминаниями о забытых свершениях: *в ленивом стаде замечен страшный был застой*, и нужен стал прогресса ради внезапный натиск роковой [Тютчев 1980: 202] и *минули веки* искушенья, забыты *страшные дела* – и даже мерзость запустенья здесь райским криком расцвела [Тютчев 1980: 211].

Лексемы *страшно*, *страшить* и *страшиться* единичны в творчестве Ф. Тютчева. В лирике А. Фета глагол *страшиться* тоже низкочастотен, а лексема *страшно* используется для передачи переживаний, вызванных полетом ласточки (*вот понеслась и зачертила – и страшно*, чтобы гладь стекла стихией чуждой не схватила молниевидного крыла [Фет 1982: 62]), ночным гаданием (*страшно припомнить* душой оробелою: там за спиной нет огня [Фет 1982: 112]), а также видом аллеи, где *вдали так страшно и темно* [Фет 1982: 227].

Группа родственных слов с корнем *-пуг-* в лирике Фета представлена 9 лексемами в 24 словоупотреблениях: *запугать* (1 с/у), *запуганность* (1 с/у), *испуг* (3 с/у), *испугаться* (1 с/у), *пугать* (7 с/у), *пугаться* (5 с/у), *пугливый* (4 с/у), *пугливо* (1 с/у), *пугливо-немой* (1 с/у), а в творчестве Тютчева – только лексемой *испуг* (3 с/у).

Самым частотным словом этого гнезда оказался глагол *пугать* «внушать страх кому-л., заставлять кого-л. бояться» [МАС: 1: 555-556]. Вызывать страх может холодная краса сосен, ночной звук, неожиданный шорох. Объектом эмоции выступает человек (люди): *и каждый звук ночной смущенного пугает* [Фет 1982: 42]; *я говорить хотел – и вдруг, неожиданным шорохом пугая, к твоим ногам, на ясный круг, спорхнула птичка полевая;*

кто ж меня втайне пугает обманом [Фет 1982: 247]; *когда уронит лес последний лист сухой и, смолкнув, станет ждать весны и возрожденья, – они* [сосны] *останутся холодною красой пугать иные поколения* [Фет 1982: 216]. Лексема *пугаться* используется для характеристики героев, которые не грустят, *пугаясь снова дыханья близкого зимы* [Фет 1982: 243]; персонажа, который понимает, что *сердце* вечно, *знать, пугаться не отвыкнет* [Фет 1982: 218]. Однако животные не всегда испытывают боязнь: серая птичка *одна не пугается терний* [Фет 1982: 79]; *серый заяц степной хрустит, не пугается* [Фет 1982: 110]. Существительное *испуг* «внезапное чувство страха» [МАС: 1: 685] употребляется поэтом при описании грозы, потрясшей героя: *кругом гудят леса, грохочет гром и в блеск огней гляжу я снизу, когда, испугом обуюн, на скалы мечет океан твою серебряную ризу* [Фет 1982: 66]. На *лице божественном* читаются *и гордость и испуг* [Фет 1982: 169]. В лирике Ф.И. Тютчева низкочастотное существительное *испуг* передает эмоциональное состояние, которое охватывает как домашних птиц, так и людей: *испуг таким полетом гусей и уток окрылил* [Тютчев 1980: 202], племена *в испуге ищут правду божью* [Тютчев 1980: 217], у европейцев вызывает страх, *смущает их, и до испугу, что вся славянская семья в лицо и недругу и другу впервые скажет: – Это я!* [Тютчев 1980: 188].

Обратная картина наблюдается при анализе слов с корнем *-ужас-*: у А.А. Фета нами обнаружена только лексема *ужасный* (3 с/у), а в стихотворениях Ф.И. Тютчева – слова *ужас* (2 с/у), *ужасный* (11 с/у), *ужасно-строгий* (1 с/у), являющиеся более употребительными.

В поэтическом наследии Ф. Тютчева имя прилагательное *ужасный* «вызывающий ужас, страх» [МАС: 4: 473] является высокочастотным, оно используется лириком для создания образной картины непогоды: *вдруг с треском ужасным рассыпался гром и дрогнул в основах потрясшийся дом* [Тютчев 1980: 83]. Однако это слово включено также в контексты, связанные с внутренним миром человека: *как безумный смех ужасный, он всю душу мне потряс!* [Тютчев 1980: 79]; *ужасный сон отяготел над нами, ужасный безобразный сон* [Тютчев 1980: 162]. Возникает мотив рока: *судьбы ужасным приговором твоя любовь над ней была, и незаслуженным позором на жизнь ее она легла!* [Тютчев 1980: 126]. *Ужас* как «чувство, состояние очень сильного испуга, страха» [МАС: 4: 472-473] показан Тютчевым двояко: с одной стороны, *сквозь лазурный сумрак ночи Альпы снежные глядят; помертвелые их очи льдистым ужасом разят* [Тютчев 1980: 68], а с другой, – по поверьям, *там, где горы, убегая, в светлой тянутся дали <...> по лазуревым ночам, фей вились хороводы под водой и по водам; месяц слушал, волны пели... и, навесясь с гор крутых, замки рыцарей глядели с сладким ужасом на них* [Тютчев 1980: 80]. А. Фет использует лексему *ужасный* для передачи душевных волнений, возникающих при встрече с забытыми чертами: *вы те же светлые, святые, молодые,*

как в тот ужасный час, когда прощались мы [Фет 1982: 51], а также для создания безотрадной картины: *пестреет мгла, блуждают очи, кровавый призрак в них глядит, и тем ужасней сумрак ночи, чем ярче светоч мой горит* [Фет 1982: 67].

Словообразовательное гнездо с корнем *-роб-* более разнообразно в лексическом отношении в лирике А.А. Фета: *оробелый* (1 с/у), *робеть* (3 с/у), *робкий* (11 с/у), *робко* (9 с/у), *робость* (1 с/у) – А.А. Фет, *робко* (1 с/у), *робость* (1 с/у) – Ф.И. Тютчев. Отметим, что этот класс слов по количеству словоупотреблений также преобладает у Фета.

Лексемы *робость* и *робко* в произведениях Ф.И. Тютчева имеют единичные словоупотребления, а в текстах А.А. Фета прилагательное *робкий* «несмелый, боязливый» [МАС: 3: 720] частотно. Оно включено автором в словосочетания, связанные с дыханием (*робкий вздох, робкое вдохновение, робкое дыханье*), с проявлением чувств (*робкая любовь, сердце робкое, робкие уста*), с музыкальным инструментом (*робкие струны*). Наречие *робко* используется для характеристики несмелых действий человека и его сердца (*робко подхожу я к окну* [Фет 1982: 146], *сердце нестройно и робко в груди застучало* [Фет 1982: 152]), небесного светила (*робко месяц смотрит в очи* [Фет 1982: 94]), птицы (*соловей робко свищет* [Фет 1982: 234]). «Испытывать боязнь, смущение от неуверенности в себе» [МАС: 3: 720] может персонаж (*с твоим я встретиться робел и жаждал взором и приходил молчать* [Фет 1982: 224]), а также атмосферный газ (*ясный воздух сам робеет на мороздохнуть* [Фет 1982: 107]).

Таким образом, концепт «страх» занимает важное место в лирике А.А. Фета и Ф.И.Тютчева, однако слова, отражающие данную эмоцию, в большей степени характерны для поэзии А.А. Фета, в произведениях которого в основном описывается внутренний мир человека, наполненный разными чувствами, существенную роль в лирике играют и пейзажные зарисовки, которые отражают события, происходящие в природе, и словно вторят переживаниям персонажей. В стихотворениях Тютчева наименования эмоции страха используются для передачи душевных волнений героев, а также в контекстах, содержащих размышления о жизни и характере общественных отношений, реже автор прибегает к созданию картин природы.

Литература

1. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 184 с.
2. МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. стереотип. – М.: Русский язык, 1985-1988. Т. 1-4.
3. Тютчев Ф.И. Сочинения в 2 т. М.: Правда, 1980. Т. 1. С. 39-222.
4. Фет А.А. Сочинения. Стихотворения. Поэмы. Переводы. М.: Художественная литература, 1982. Т. 1. С. 41-278.